

Геннадий Гончаров

СИБИРСКИЕ РАССКАЗЫ

Геннадий Григорьевич Гончаров

Сибирские рассказы

Серия «Коктебельская сюита»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64985461

Сибирские рассказы: Интернациональный Союз писателей; Москва;

2021

ISBN 978-5-907395-66-4

Аннотация

Представленный сборник прозы повествует о жизни людей в Сибири и Забайкалье.

В первой части книги развенчивается миф о добрых *красных* и злых *белых*. Истории, поведанные свидетелями той эпохи, не оставляют сомнений: любая гражданская война – это всеобщее озлобление и потеря человеческого облика. Пример тому – Ужурские события.

В охотничьих рассказах и воспоминаниях представлены образы сибиряков – независимых и простых, добродушных и гостеприимных. Эти люди, чей особый характер выковывался в борьбе с суровыми природными условиями, обладают удивительной выносливостью и смекалкой, обращаясь к читателю на особом сибирском говоре.

Особым рефреном в книге звучит беспокойство за судьбу тайги и человека в ней.

Содержание

Ужурские события	5
Амбар	6
Партизанский террор	12
Колокол	20
Кот	24
Охотничьи истории	31
Синявка	31
Дёмич	49
Чай с сюрпризом, крыло орла и дедушка	56
Андрей	
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Геннадий Гончаров

Сибирские рассказы

© Г. Гончаров, 2021

© Интернациональный Союз писателей, 2021

Ужурские события

Эти рассказы я написал по услышанным ещё в молодые годы воспоминаниям матери о её детстве и девичьей поре, проведённых в сибирском селении Ужур и совпавших с кошмаром революции, гражданской войны и последующими потрясениями вплоть до тридцатых годов.

Родилась мама в Ужуре зимой 1912 года в белорусско-польской семье, высланной из Бобруйска в начале XX века. В ней росли семь сыновей и восемь дочерей. Одна из них – подкидыш, обнаруженная ранним зимним утром на крыльце, спасённая и воспитанная наравне с родными детьми. Святыми людьми были мамины родители. Аборты считали великим грехом и позволили появиться на свет всем жизням, зачатым на ложе любви.

Итак, воспоминания Марии Васильевны Окулич.

Амбар

В конце прилегающего к нашему дому огорода был забор из пихтовых жердей, за которым раскинулась лужайка, где в летние дни мы играли и развлекались. А за лужайкой стоял амбар, сложенный из толстых кедровых брёвен. Стены его были настолько крепки, что мои братишки не могли в них забить гвозди. Говорили, что амбар принадлежал какому-то купцу. Если мне не изменяет память, то Зимину. Двери амбара были с противоположной стороны. Глядя на него, мы не думали и не гадали, что здесь увидим страшную изнанку революции и гражданской войны.

Рядом с нами стоял пятистенный дом большой семьи Петрониных. Они держали в степи на заимке скот и лошадей – как рабочих, так и запряжных. Кроме того, занимались хлебопашеством. Сам Петронин в молодости служил в кавалерии, поэтому он любил лошадей, холил их и берёг. Кроме крепких рабочих коней во дворе было несколько выездных, а также верховых красавцев скакунов. Глава семьи и его взрослые сыновья и дочери трудились как проклятые, не зная ни выходных, ни проходных дней. Отдыхали только по религиозным праздникам, да и то поочередно. Зато семья жила в полном достатке и пользовалась уважением среди соседей и со стороны местной власти. На сезонные работы приглаша-

ли всех желающих на *помочá*¹, а также нанимали подёнщиков из числа бедноты и даже местных бездельников, достойно оплачивая их труд. Но, как и в любом российском поселении, у них, несомненно, были завистники, что и сыграло впоследствии роковую роль в их судьбе.

Мои родители иногда пользовались их помощью, да и сами взаимно в чем-то помогали им. Особенно в присмотре за двором и малыми детьми, когда старшие находились в степи и на пашне. Отец отзывался о соседе как о грамотном, умелом земледельце и рачительном хозяине. В семье Петрониных, как и в нашей, было семь ребят и восемь девчат. Половина их были взрослыми и готовились создать свои семьи.

Но тут произошла революция, и весь прежний уклад жизни был порушен.

Весной 1918 года красногвардейцы арестовали одного из сыновей Петрониных как противника Советской власти. Через несколько дней ранним утром, ещё до восхода солнца, готовясь к посадке картофеля, мы услышали шум и выкрики со стороны амбара. Взобравшись на забор, увидели, что какие-то люди с винтовками ставят лицом к стене амбара мужиков со связанными сзади руками. Среди них был и наш сосед, старший сын Петрониных. Другие же, одетые в кожаные куртки, подходили и стреляли им в затылок из больших

¹ *Помочá* – народный обычай взаимопомощи в Сибири, в основном при уборке урожая.

пистолетов.

Когда убили первого человека, то я от страха свалилась с забора и закрыла уши, чтобы не слышать выстрелы. Но они все равно были слышны, и я при каждом из них вскрикивала. Моя сестра Тося быстро унесла меня домой. Идти сама я не могла: ноги мне не повиновались от увиденного ужаса. Ещё долго, почти до середины лета я по ночам просыпалась и кричала. Мне снился один и тот же сон: как человек в чёрной куртке стреляет в меня из пистолета.

А Петрониным в тот день разрешили забрать тело сына и похоронить по христианскому обычаю. В их семье, да и в нашей тоже, веселье и радость уступили место горю и печали.

Советская власть продержалась недолго. Её свергли, как говорили родители, представители Директории с помощью Чехословацкого корпуса.

Большевиков сменили эсеры. Крестьяне по окрестностям отлавливали представителей «Совдепии» и передавали их властям. И у стен амбара снова зазвучали выстрелы. Теперь настал черёд красных и им сочувствующих. Но среди них почему-то оказался второй сын Петрониных. И его похоронили рядом со старшим братом. Двор соседей всю неделю оглашался рыданиями. Горе снова распростёрло чёрные крылья над этой трудолюбивой и благопристойной крестьянской семьёй.

Осенью Верховный правитель Сибири адмирал Колчак

разогнал либерально-демократическое правительство Омской Директории и Комуч (Комитет членов Учредительного собрания), совершив военный переворот и установив диктатуру. Начатые в Омске чистки и расстрелы докатились и до глухой провинции. К стене амбара ставили не только основных врагов режима Колчака – большевиков и их временных попутчиков анархистов и левых эсеров, – но и сторонников Директории и Комуча: чтобы те своей либеральной демагогией не вносили смятение в умы и разброд в ряды сторонников диктатуры.

Среди таковых арестованных в Ужуре оказался ещё один из сыновей Петрониных – третий по счёту. За что его взяли и в чём состояла его опасность для новой власти, никто не ведал. На этот раз, по словам очевидицы (моей сестры Тоси), жертвы стояли лицом к палачам. Наш сосед получил две пули в грудь и упокоился в третьей семейной могиле.

А крестьяне, отлавливающие как представителей бывшей Совдепии, так и сменившей её Директории, всё никак не могли взять в толк: почему эти враждующие между собой деятели называли себя одним и тем же словом – социалисты?..

Весной 1919 года в Ужур вошли красные партизаны под командованием Перевалова, которых вскоре выбили прибывшие из Ачинска белые каратели. У амбара вновь зазвучали выстрелы, и в его крепкие брёвна впились очередные пули, прошедшие сквозь человеческую плоть.

Среди расстрелянных оказался ещё один Петронин... Кто-то невидимый (из зависти или мелкой мести) слал на эту семью доносы каждой новой власти. Оставшиеся в живых продолжали трудиться на земле, преодолевая горе и несчастья, сохраняя дух личной свободы и независимости. А впереди, с приходом партизан Щетинкина, их ожидала ужасная трагедия, о которой будет поведено в следующем рассказе.

В последний раз амбар принял в свои стены пули в 1921 году, когда чоновцы из отряда Аркадия Голикова (того самого Гайдара) без следствия и суда расстреляли нескольких мужиков, якобы участников банды Соловьёва.

Гражданская война в обстановке взаимной вражды и ненависти собирала кровавую жатву. *Белые, красные, зелёные* и прочие участники смуты отвергли библейскую заповедь «Не убий» и, превратившись в жестоких зверей, предпочитали выяснять отношения с противником только с помощью оружия.

Из числа сдавшихся на милость победителя в живых оставляли только тех пленных, кто переходил на их сторону, а остальных расстреливали. Не щадили и раненых с больными, добывая их на поле боя и в лазаретах, зачастую вместе с врачами, медсёстрами и санитарями. Ни одна из сторон не брала на себя каких-либо моральных обязательств. Когда на кону стояло само существование режима, никто не хотел уступать. Адресованное саратовским чекистам указание Владимира Ульянова-Ленина «Расстреливать всех, никого

не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» неожиданно стало единым руководством к действию для всех противоборствующих сторон. Посеявшие ветер пожинали бурю.

По тылам противоборствующих сторон бродили банды бывших уголовников, выпущенных из тюрем Февральской революцией, оставшихся без средств к существованию и не имеющих даже элементарного понятия о моральных принципах. Осознание ими полной безнаказанности вело к бесчисленным грабежам и убийствам мирного населения. В свою очередь, население вынуждено было вооружаться для самозащиты и мстить своим обидчикам.

Таким образом, шла война всех против всех, и ей не было видно конца.

Партизанский террор

Русский народ – это дрова в топке Мировой революции.

Лев Троцкий

Зимой 1919-1920 учебного года я училась в первом классе начальной школы, расположенной далеко от дома. Водили меня туда поочередно старшие сёстры, а иногда и братья.

В субботу 3 января 1920-го шёл обильный снег и дул ветер. С раннего утра с окраины посёлка сквозь завывание ветра доносились звуки стрельбы и взрывов. В семье стали обсуждать: идти в школу или не идти.

Отец вернулся со двора и сказал, что за посёлком партизаны Щетинкина ведут бой с отступающими колчаковцами. Те наконец-то уходят. Но народу и от новой власти не следует ожидать ничего хорошего. Так же, как и беляки, будут забирать на нужды своей оравы лошадей, шубы и пимы, сено, фураж, мясо, хлеб и картофель. Жрать-то и потеплее одеваться всем хочется – будь ты белый или красный, или какой-нибудь там ещё серо-бурый-малиновый с проседью. Заодно заберут сбрую и кожевенное сырьё, а то и сани. А потому принудительного отъёма крестьянам, как и прочему народу, не миновать.

Тут мама ему сказала:

– Эх, помолчал бы ты, Васенька! Смотри, на людях это не

ляпни. Нас уж и так в эту холодную Сибирь за твой язык сослали. Вот и маемся уж второй десяток лет. Но то были царские паны: они хоть какой-то закон ради приличия соблюдали. А эти партизаны Щетинкина и Кравченко – непонятное сборище битых да грабленых. Шиша да Епиша, да Колупай с братом. Без царя в голове и без Бога в душе. У них другие порядки. Чуть что не так – отведут к амбару и шлёпнут без суда и молитвы. Да ещё одежонку сдёрнут и поделят промеж собой. Одно слово: орда.

Отец не стал возражать и сел против топящейся печи, вороша в ней угли и подбрасывая поленья. Затем закурил трубку и стал отдавать распоряжения по хозяйству.

К полудню стрельба стихла, и в школу меня повела семнадцатилетняя сестра Тося, укрывая от ветра полой своей шубы. Навстречу нам по улице двигалась колонна одетых кто во что горазд и вооружённых чем попало всадников, усатых и бородатых. Вслед за ними тянулся санный обоз, в конце которого была подвода с убитыми, накрытыми попоной. Из-под неё торчало шесть пар ног.

– Отвоевались ещё одни Аники-воины... – сказала Тося. – Скорей бы уж, что ли, всё это закончилось!

Пока колонна двигалась, мы стояли, прижавшись к забору. От храма доносился звук колокола – то сильнее, то глуше. Из-под ворот на проезжих лаяли собаки. Одна из них, наиболее злая, бросалась на подводы и хваталась зубами за

боковые отводы саней. Раздался выстрел, и она с воем закружилась на снегу, окрасив его кровью. За обозом двигалось несколько всадников на низкорослых хакасских лошадях. Один из них направил лошадь к собаке и, изогнувшись, как в цирке, с выкриком: «Ий-е-ех!» – одним взмахом сабли отсек ей голову под одобрительные возгласы соратников.

Для меня это было ужасное зрелище. Шла и думала: «А что, если они точно так же убьют и нашу собаку Дымку?» И так мне захотелось вернуться домой и спрятать нашу Дымку!..

В воскресенье на площади перед храмом раздалась взрывы. Это партизаны рвали землю под могилу для своих шести соратников.

Отзвучали траурные речи и клятвы мести. Под винтовочные залпы борцов за дело революции опустили в мёрзлую землю. К вечеру площадь опустела.

За ужином отец сообщил, что другие отряды партизан вошли в Балахту, а колчаковцы в бои не вступают и отходят к железной дороге. Слухи о зверствах партизан идут впереди их отрядов. Пленных офицеров они живьём варят в котлах. Так они по приказу Щетинкина сварили командира 13-й Казанской стрелковой дивизии генерала Ивана Ремедова.

К концу разговора он предупредил, чтобы никто без острой необходимости не появлялся на улице. Да и от школы надо воздержаться, пока всё не упрядочится.

– Партизаны – это вам не регулярная армия с порядком и дисциплиной, а сборище бандитов; от них можно ожидать чего угодно, в том числе убийств, изнасилований и погромов, – наставлял отец. – Тем более они на похоронах поклялись отомстить за своих товарищей. А кому мстить, если колчаковцы уже далеко, а вот мы – рядом?.. Вот и сорвут всю злобу на мало-мальски подозрительных мужиках. Так что со двора – ни ногой!

Особенно он предостерег старших сестёр и братьев.

На другой день случилось то, о чём предупреждал отец. Партизаны врываются во дворы тех, у кого отступающие колчаковцы останавливались на постоя и меняли своих уставших лошадей на свежих хозяйских. Опьянённые боевым успехом и жадной мести за погибших, они хватали не только отцов семейств, но и их детей-подростков.

У соседей Петрониных схватили самого старика и двух сыновей шестнадцати и восемнадцати лет. Связали, без верхней одежды бросили в сани и увезли в лес. Самый младший, 14-летний Павлик, был в это время на конюшне. Он осторожно, задами, вывел коня за огороды и ускакал в заснеженную степь. Поначалу домашние предполагали, что он укрылся на заимке, где был запас дров и продуктов. Но, когда туда съездили две старших сестры, то от соседних хакасов узнали, что Павлика они на заимке не видели. С той поры он из посёлка исчез навсегда. Словно в воду канул...

По опустевшим улицам носились всадники и волокли по снегу беспомощных людей. Я сама видела, как пьяные партизаны со свистом и гиканьем мчались на повозке по нашей улице, а позади саней волочился привязанный верёвкой за ноги человек. Он был ещё жив и поднимал голову. Руки его были связаны.

Всех свозили в близлежащий лес и там шашками отрубали головы или вспарывали животы. Некоторых четвертовали. Патроны экономили...

Об этом мы узнали через день, когда оставшиеся в живых сёстры Петронины и их уже старая мать привезли из леса обезглавленных старика с двумя сыновьями. Их головы отдельно лежали в мешке. Я была в их доме, когда отец и его два сына уже лежали в гробах, а головы их были пришиты к шеям суровыми нитками, которые старик обычно заготавливал на подшив валенок. У обезумевших от горя женщин уже не было слёз. Они обнимали головы покойников и не плакали, а выли.

Так в результате революции закончился род простых тружеников Петрониных.

Как и многих других, благодаря которым плодоносила Земля Русская, и на которых опиралось Государство Российское...

Пьяный разгул и бесчинства партизан длились целую неделю. В переулках, на огородах и на околице лежали тру-

пы мужчин, стариков, подростков и даже девушек. Их перед смертью подвергали групповому изнасилованию. У некоторых были отрезаны груди и распороты животы – от промежности до грудной клетки. Кое-кто говорил, что так с ними расправились за «кокетничанье» с колчаковцами.

Был также устроен самосуд и над бывшими колчаковскими милиционерами, не успевшими уйти с армией. Да и куда было бежать от семьи с детьми и двора?.. Некоторые из них считали, что они не причиняли зла населению, а только следили за порядком и общественной безопасностью. Эта самоуверенность обернулась для них потерей жизни. Партизаны порубили их шашками в том же лесу.

Вскоре в Ужур из Ачинска прибыли представители восстановленной Советской власти с отрядом красноармейцев, и открытый террор прекратился. Но люди продолжали исчезать, в том числе и при загадочных обстоятельствах...

Позже мы узнали, что отрядом партизан, устроившим бесчинства, командовал Павел Львович Лыткин, отставной фельдфебель царской армии. Родом из середняков, бывший торговец мясом и зерном в Минусинске. Осенью того же года он оставил кровавый след в Хакасии, расстреливая мирное население по малейшему подозрению в сочувствии белым. Раненых сбрасывал в колодцы, а также приказывал закидывать их в сараях и сжигать живьём. Садист и патологический убийца. Да будет проклято его имя!..

Впоследствии, уже перед самой войной, я узнала, что он

был расстрелян в 37-м году как «враг народа». Справедливость хоть и с запозданием, но восторжествовала.

В 1964 году я в Ленинграде встретила со старшей сестрой Софьей, приехавшей из Англии в туристическую поездку.

Она с 1920 по 1934-й жила в Харбине. Работала на центральном телеграфе Управления КВЖД, а с 1929 года была актрисой русского драматического театра. Благодаря красивой внешности, таланту и обаянию имела много поклонников в эмигрантской среде. Пользовалась благосклонностью атамана Забайкальского казачьего войска Григория Семёнова, который после спектаклей дарил ей цветы. Вышла замуж за офицера Британской специальной миссии в Китае и уехала с ним сначала в Гонгконг и Сингапур, а затем в Англию, где муж стал министром. Он погиб в авиакатастрофе в 1946 году, и Соня осталась вдовой.

Но я хочу сказать о самом важном воспоминании сестры об Ужуре и Харбине.

Соня рассказала, как после одного спектакля к ней в гримёрку вошел статный красивый мужчина лет тридцати с букетом цветов. Производил он впечатление человека образованного и весьма культурного. Поблагодарив за спектакль и вручив цветы, сказал примерно следующее: «Софья Васильевна, я вас хорошо помню. А вы меня помните?.. В Ужуре мы жили по соседству. Я Паша Петронин. Расскажите мне,

пожалуйста, о судьбе моих родителей, братьев и сестёр».

Соня безмерно обрадовалась такой встрече и поведала земляку о смерти отца и братьев, а он, в свою очередь, рассказал, как добрался до отступающих белых, вместе с ними совершил поход до Забайкалья и с отрядом Каппеля ушёл в Манчжурию. Так Павел оказался в Харбине. Окончил русскую среднюю школу и экономические курсы, имеет семью и приличную работу. Собирается уехать в Австралию.

Так один мужчина из большой крестьянской семьи по Божьему промыслу остался жив, чтобы продолжить род Петроновых...

От автора. К судьбе Павла Петронина (да и моей тёти Сони) подходят строки из стихов поэтессы белой эмиграции, сибирячки Марианны Колосовой:

*На чужбину шквалом отброшены,
Оглушённые гулким громом,
Раскатились мы, как горошины,
В поле чуждом и незнакомом.*

Колокол

Шёл 1929 год. Местные комсомольцы во главе с Варей-пролетаркой (так прозвали эту девушку), исполняя богохульные призывы властей и прикрываемые чекистами, приступили к разграблению храма Петра и Павла.

Выносилось, грузилось на подводы и увозилось куда-то ценное имущество, чудом оставшееся после первых изъятий в 1922 году. Что невозможно было вывезти, сжигалось в полыхавшем костре. Ненасытное пламя пожирало церковное облачение, книги и деревянные иконы.

Стоявшая вокруг толпа тупо молчала с угрюмым видом и лишь тогда, когда с колокольни был сброшен колокол, люди отшатнулись, исторгнув вопль отчаяния и ужаса. По земле прошла мелкая дрожь, и колокол издал звук, похожий на стон. Варя прибаутками подбадривала изумлённых замешкавшихся соратников и, слегка пнув по колоколу, воскликнула:

– Товарищ Ленин сказал, что религия – это опиум для народа. Долой религию!.. Долой монахов и попов!.. Да здравствуют мировая революция и всеобщее счастье! Смерть врагам революции!

К ночи храм опустел, костёр прогорел, толпа разбрелась. И только юродивая нищенка рылась в золе, выгребая

оплавленные кусочки металла и стекла и прижимая их к груди. Время от времени она посылала кому-то проклятья, устремив в бездонное небо костлявую руку. Храм для неё был единственным пристанищем и возможностью кормиться. Теперь же всего этого она лишилась по воле одурманенных властью безбожников.

Колокол лежал на земле несколько недель, и по ночам около него собирались те, кто ещё не утратил Совесть и Веру, и припадали лбами и ладонями к холодному металлу. Многим казалось, что от колокола исходит таинственное сияние и слышатся странные звуки, словно кто-то невидимый шепчет молитвы, замаливая грехи сошедшего с ума общества.

Среди них была и мать рассказчицы, истинная христианка-католичка. Исправно по вечерам (а иногда и ранним утром) она, стоя на коленях перед колоколом, произносила молитвы на латыни и по-польски, вымаливая прощение и милость для своей семьи с пятнадцатью детьми.

А на Варю-пролетарку вскоре навалилась неизвестная болезнь, и в дополнение разбил паралич. Почерневшая и дурно пахнущая, со взором одержимой, корчась в муках, она лежала на кровати и умоляла судьбу послать ей смерть. Но Смерть не спешила накрыть её своим покрывалом, вынуждая в полной мере испытать адские муки.

Через месяц колокол стали грузить на машину, чтобы увезти на станцию и отправить на переплавку, поскольку на-

чинающаяся индустриализация, помимо всего прочего, нуждалась в цветном металле.

По покатым брёвнам десятков подвыпивших мужиков с помощью верёвок и под крики: «А ну давай, поднавались! И-эх, пошёл, родимый! Пошё-о-ол!» – оторвали его от земли. Колокол, медленно поворачиваясь, постепенно подвигался к платформе, но неожиданно сорвался и под матерные крики грузчиков упал на землю со звуком, напоминающим стон раненого зверя.

Одновременно с крыши храма слетела стая ворон и с карканьем закружилась над колоколом, привлекая всё новых и новых птиц не только с посёлка, но и с окрестностей. Вскоре эта стая превратилась в тучу, которая то спиралью взвинчивалась в небо, то, как гигантское колесо, кружило над храмом. Крики вороньей стаи перекрывали лай собак, ржание лошадей, голоса людей и даже паровозные гудки на станции.

И в это же самое время Варя-пролетарка, потерявшая до того голос и лежавшая неподвижно, вдруг дико закричала, стала сучить ногами и руками, корчась в страшных муках. Глаза её вылезли из орбит, на губах показалась жёлтая пена, а из кишечника и мочевого пузыря поплыло содержимое. Её престарелая бабушка достала из тайника спрятанную там икону Божьей Матери и поднесла к губам Вари со словами: «Покайся и поцелуй!». Та промычала что-то нечленораздельное, коснулась губами иконы и, перестав корчиться, тут же испустила дух.

И странное дело... Вороны вмиг успокоились: одни мелкими стаями разлетелись по окрестностям, а другие расселись на храме и близлежащих домах.

А колокол со второй попытки удачно втащили на грузовик и отвезли на станцию.

Кот

Когда я училась в пятом классе, однажды ранней весной, по пути домой, в одном из переулков за мной увязался серенький котёнок. Он бежал и жалобно мяукал.

Я взяла его в ладони и стала гладить. А он весь трясся и продолжал громко мяукать. Был лёгкий... ну, как пушинка!.. Одна кожа да кости. Мне его до того стало жалко, что я решила взять домой это маленькое пушистое создание, несмотря на то, что дома хозяйничала кошка Мурка.

Родители мой поступок не осудили, но и не проявили восторга, а котёнка, само собой разумеется, назвали Пушком.

Мурка отнеслась к появлению котёнка настороженно. Сначала обнюхала, потом оглядела всех присутствующих на кухне... и с характерным урканьем запрыгнула на шесток печи. Оттуда она стала следить за всеми моими действиями.

А я обтёрла Пушка влажной тряпкой и налила ему в плошку молока. Лакал он с жадностью, захлёбываясь и время от времени трясая головой.

Место Пушку определили у печи под залавком, постелив там кусок войлока. В первую же ночь он стал жалобно мяукать, и мне пришлось взять его в свою постель, где он вмиг успокоился.

В последующие ночи всё повторялось. Сначала он спал у

меня под боком, а потом в ногах.

Летом Пушок постоянно бегал за мной. Куда бы я ни пошла, и он туда же – будь это огород, поле или речка. В наиболее опасных местах, где хозяйничали бродячие собаки, я брала его на руки.

К осени он подрос и принимал участие в наших играх в прятки. Когда выпадала моя очередь *голить* (то есть искать), он бежал рядом со мной и заглядывал в укромные места. А когда находил кого-либо из подружек или ребят, то начинал мяукать.

Вечером, когда с пастбища должно было вернуться стадо, Пушок вскакивал на столбик у калитки и смотрел вдаль. Но как только корова заходила во двор, котёнок спрыгивал со столбика и бежал рядом с ней в стайку, где садился в углу и ожидал конца доения. При этом он внимательно следил за бьющими в подойник струйками молока.

Как только мама заканчивала доить и шла домой, Пушок, задрвав кверху хвост и мурлыкая, семенил рядом, а затем переходил на скачки. Когда наша доярка, зайдя в дом, ставила ведро на лавку, нетерпеливый котёнок, выгнув спину колесом, тёрся о её ноги и настойчиво мяукал. Здесь же ему в плошку наливали ещё не процеженное парное молоко, и он лакал его с великим удовольствием. А затем вскакивал на лавку или на шесток и начинал умываться, исполняя этот ритуал тщательно и долго.

Через год-полтора Пушок превратился в большого пуши-

стого кота сибирской породы, с длинным пышным хвостом и головой как у рыси. Летом он ночевал в сенях либо в стайке, а на зиму переселялся в дом, прогнав Мурку с шестка и устроившись там по праву сильнейшего.

Обладал наш Пушок чарами народного целителя. У отца часто зимой болела спина. Он лежал на полатях у печи, и ему на поясницу клали нагретый кирпич. Кот за этой процедурой наблюдал с шестка. Когда же кирпич убирали, то он спрыгивал на полати и устраивался на спине у отца. Расшиперив передние лапы и выставив когти, топтался на пояснице, а затем вытягивался на ней, лежал и урчал. Таким образом, он делал своего рода массаж, иглоукалывание и прогревание с небольшой вибрацией.

Каким-то чутьём кот угадывал, у кого что болит, и с вечера устраивался лежать на больном месте. Когда я ушибла колено, и оно распухло, то Пушок с вечера ложился ко мне, прижимался к больной коленке и урчал. Боль отступала, и вскоре совсем прошла.

Ещё Пушок обладал способностью наблюдать за так называемым *параллельным* миром... Неожиданно с особым урканьем спрыгивал с шестка, неподвижно и долго смотрел на окно или в какой-либо угол (кроме переднего с иконой Девы Марии). При этом уши его настораживались, шерсть взъерошивалась, а зрачки расширялись. Мама в таких случаях говорила: «Не мешайте ему. Он домового учуял».

С воцарением в нашем дворе Пушка исчезли крысы. И не

только у нас, но и во всей округе. Он питал к ним особую ненависть. Но, убивая их, не съедал. Перекусывал шею, разгрызал затылок и в таком виде приносил, оставляя крыс около крыльца – как доказательство своего подвига. Как летом, так и зимой. Родители подбирали их и бросали в топку печи, опасаясь заразы.

Шли дни и годы. Каждой весной в пору кошачьих свадеб Пушок ввязывался в драки с соперниками и после временного отсутствия являлся домой исхудавший, с разодранными ушами и расцарапанным носом.

В одну из таких вёсен исчезла Мурка, и Пушок окончательно утвердился в праве хозяина двора. Была у нас и собачка Жучка. Между собой они не враждовали, иногда и лакали из одной посуды.

Так незаметно пролетело пять лет. Осенью 1929 года я уехала в Томск на учёбу. В то время уже была построена железная дорога до Ачинска.

Пушок с утра почувствовал что-то неладное и стал проявлять беспокойство. Я с ним простилась и закрыла в чулане, предупредив сестру Веру, чтобы выпустила кота после отправления поезда. Затем мы с ней заранее пошли на вокзал и около часа ожидали поезда на Ачинск.

Когда же подошел поезд, и все побежали на перрон, то я почувствовала, что кто-то ткнулся мне в ногу. Я посмотрела и вскрикнула от удивления. Это был Пушок!.. Тому, как он выбрался из чулана, не стоит удивляться. А вот как он так

быстро нашёл нас – это уже достойно изумления.

Что было делать?.. Я снова с ним попрощалась, поцеловала меж ушей, погладила и прижала к груди. Затем передала кота Вере и попросила, чтобы та крепче его держала. Села в вагон и тогда только поняла, что по моим щекам текут непрошеные слёзы.

Вагон дёрнулся и закачался. Под ним заскрипели, а затем застучали колёса. Мне казалось, что они выстукивают: Пушок, Пушок, Пушок.

На поезде я ехала впервые в жизни и не могла оторваться от окна. Глядя на проплывающий пейзаж, думала об оставшихся в Ужуре уже стареющих родителях, братьях и сёстрах... и, конечно же, о Пушке. Увижусь ли ещё с ними?..

А в памяти навек, как впаивные, остались слова мамы, последней из польского дворянского рода Казакевичей: «Заклиная тебя именем Христа и девы Марии: нигде и никогда не упоминай, что твоя мать из дворян, а твои старшие сёстры в Харбине. Загубишь и себя, и всех нас!»

В Ужур я так и не вернулась. А наказ матери сохранила вплоть до хрущёвской оттепели 60-х годов.

А что же с Пушком?.. А вот что.

Осенью 1930 года наша семья переехала на прииск Саралá в 70 верстах от Ужура. Всё распродали и с небольшим скарбом двинулись туда на трёх подводах.

Пушок в это время где-то шарился. Так и уехали без него.

Устроились на новом месте. Однажды весной в первый пасхальный день мама вышла на крыльцо и обомлела... Перед дверью сидел исхудавший, с обмороженными ушами Пушок. Он тут же вцепился в мамину юбку и стал остервенело трясти, издавая злобное мяуканье. Видимо, хотел показать, что не прощает предательства. Мама его уговаривала и пыталась погладить, но Пушок долго не отпускал юбку.

Через некоторое время он успокоился и вслед за ней заскокочил в избу. Тут все обрадовались и пытались по очереди погладить его. Но кот не подпускал их к себе. Мама налила ему молока. Пушок обнюхал плошку и всё вылакал. Затем с урканьем запрыгнул на русскую печь и с выражением превосходства, презрительно стал смотреть сверху вниз на всех присутствующих, словно хотел сказать: «Ну что, беглецы, выкусили?... Всё равно я вас нашёл!»

Со временем всё успокоилось, и Пушок освоился на новом месте. Отъелся и набрал вес, а вместе с тем восстановил и былую силу. Передрался с местными котами, вынудив их признать его лидерство. Обратил в позорное бегство злобного соседского пса, ранее державшего в страхе кошек и собак всей улицы. Очистил прилегающую местность от крыс. Заслужил почёт и уважение среди дамско-кошачьего общества. Ну и, как положено котам-триумфаторам в такой обстановке, начал плодиться, распространяя по всей округе своё многочисленное потомство.

Наша семья к началу 30-х резко сократилась. Выросшие

дети разъехались по городам и весям в поисках призрачного счастья, и родители остались с одной младшей дочерью. Проходившая в стране коллективизация и порождённый ею голод обошли таёжный прииск стороной, и поэтому Пушок не попал в число съеденных друзей человека.

Отец продолжал заниматься извозом, зарабатывая на жизнь. Чтобы не попасть в разряд кулаков, ему пришлось одну лошадь из трёх продать, а другую, повредившую ногу, прирезать на мясо. В конце ноября 1934 года он простудился, ночуя в тайге у костра. Через две недели скончался от воспаления лёгких.

До самой смерти рядом с отцом был Пушок, стараясь облегчить его страдания. Через день после похорон кот исчез.

На девятый день кончины отца из Красноярска приехала Тося с мужем (к слову, крупным чекистом в РККА) и двумя детьми. Когда они с мамой пришли на кладбище, то на могиле под крестом обнаружили разрытую ямку, а в ней околёвшего Пушка. Его остекленевшие глаза были открыты, а лапы разодраны и лишены когтей.

Так закончился десятилетний жизненный путь сибирского кота, бесконечно преданного своим хозяевам. А его породистые потомки и по сей день живут по всему Енисейскому краю. И не только там.

Охотничьи истории

Синявка

Зима 1969-70 годов выдалась не только суровой, но и самой неудачной за всё десятилетие. Я и мой товарищ по охоте Веденист Веретенников, бригадир пути со станции Онон, имея по две лицензии на отстрел косуль, никак не могли их добыть.

В заречную тайгу уходили в каждую субботу после обеда, к вечеру добирались до своего зимовья в Захарихе. Попутно проверяли петли на зайцев в молодом сосняке и осиннике. Каждый раз попадали по два-три ушкана.

Затапливали железную печь на всю ночь, чтобы прогреть настывшее помещение. Быстро заваривали особые охотничьи пельмени с начинкой из мяса и капусты. Варили шай-дочный чай, и с кряхтением попив его, укладывались спать на полаты из жердей с настеленными на них ветками берёзы и ерника. С осени сверху был настелен слой пырея, но он вскоре превратился в труху.

Печь накалялась докрасна, но когда прогорала, зимовье быстро остывало, и любой из нас, первым проснувшийся от холода, растапливал её снова. За длинную зимнюю ночь каждому приходилось вставать не менее трёх раз.

Кроме того, в темноте нас донимали мыши. Их там были несметные полчища. Они шуршали повсюду: под полатями и в пазах бревенчатых стен, прыгали оттуда на нас, словно акробаты, пробегая не только по телу, но и по лицам, оставляя неприятное ощущение. Продукты мы прятали от них в ведро, накрывали железной крышкой, да ещё сверху клали тяжёлый камень. Под потолком на длинной тонкой проволоке висело ещё одно ведро – с запасом крупы, соли, сахара и сухарей для случайного путника. Так мыши умудрялись проникнуть и в него, устраивая возню с писком среди ночи. Ведро при этом раскачивалось, как маятник настенных часов-ходиков.

На утренней зорьке мы расходились по логам в надежде на удачу. Но тщетно. Каждый раз она обходила нас стороной. Иной раз высмотришь в бинокль пасущихся в логу или на увале² коз – и начинаешь скрадывать. Только подойдёшь на дистанцию выстрела и станешь их выцеливать, как они, словно по чьей-то команде, подхватываются и скрываются в чаще.

Один раз в лютый крещенский мороз, на восходе солнца, я буквально на четвереньках выполз с сивера³ на ряж⁴ Толстый мыс между двух толстенных сосновых пней и замер от удивления. Внизу на пологом склоне, примерно в пяти-

² *Увал* – южный склон горы, поросший травой и изредка мелким кустарником.

³ *Сивер* – северный склон горы, поросший непроходимым лесом.

⁴ *Ряж* – невысокий и короткий хребет, длинная гора.

десяти метрах от меня, кормилось около десятка косуль и среди них – здоровенный красавец-гуран с ветвистыми рогами. Его изящное тело и манера поведения вызывали чувство восхищения, уважения и преклонения. Воистину, сочетание грациозных животных и суровой, но великолепной сибирской природы составляет особую, неповторимую прелесть русской охоты...

Через бинокль я подсчитал отростки на рогах. Пять штук!.. Мать честная! Молнией пронеслась мысль, будто эти рога уже прибиты к стене в прихожей моей квартиры.

А козы в это время спокойно ходили среди кустиков таволги и объедали вершины веток с засохшими листочками. Мне даже казалось, что я слышу как хрумкают их челюсти, перетирая пищу. Косули временами занимали такое положение, становясь одна позади другой, что одной пулей можно было поразить сразу двух, а то и трёх.

Чувствуя, что от мороза скоро сведёт пальцы, я не стал ждать, когда козы окажутся на одной линии; взял на прицел вышедшего на открытое место гурана. Мушку направил на область груди за лопаткой, чуть ниже позвоночника. С учётом того, что стрелять нужно было «под гору», когда пулю тянет вниз, и учитывая тугое сопротивление морозного воздуха, я рассчитал, что пуля должна ударить в область сердца.

Прошептал: «Господи, благослови!» Глубоко вдохнул и стал медленно выдыхать. Как только выдох кончился, я на-

жал на спуск.

Увы... Выстрела не последовало. В затворе застыли остатки смазки, и боёк вместо резкого удара «прошёлся пешком» и упёрся в капсюль патрона. Я чуть не взвыл от досады. Отполз и спустился в сивер. Быстро нашел берёзу с отворотами бересты. Срезал её ловтаки⁵ и развёл костерок. Подержал над ним затвор карабина, вставил на место. Но без патрона в патроннике. Нажал на спуск... Чакнуло – работает!

Мгновенно зарядил и выполз на прежнее место, потеряв всего-навсего не более двадцати минут. Кровь молоточками стучала в висках. Глянул на прежнее место кормёжки. Аляулю! Коз и след простыл, будто их и вовсе не было.

Встал во весь рост и в бинокль оглядел всё пространство и противоположный сивер вплоть до Тонкой гривы. Пусто!

Сходил на место кормёжки и осмотрел следы. По ним понял, что козы спокойным шагом спустились в густой колок, заросший ольховником, черёмухой и красноталом. Там и залегли до вечерней кормёжки.

Поднявшись на ряж, пошел по нему в вершину Зыковой пади. И тут сверху раздалось курлюканье ворона. словно издаваясь надо мной, он извещал лесных обитателей, что идёт человек с ружьём. Развернувшись в вершине, он снова пролетел надо мной, да так близко, что был слышен шум его крыльев. На этот раз он коротко куркнул над самой головой, будто спросил: «Ну что, выкусил?! Так тебе, недотёпе, и на-

⁵ *Ловтаки* – лоскуты бересты, отставшие от ствола и торчащие в сторону.

до!»

Уже направляясь к зимовью, я услышал выстрел где-то в первом разлоге Захарихи. По эху, отдавшемуся как от пустой бочки, понял, что стрелок промахнулся.

Придя в зимовье, затопил печь, ножом наковырял в ключе льда и сварил чай. Попил с устатка и от досады.

Вскоре подошёл Вена. Лицо мрачнее тучи. Разрядил и положил на землю под полатями ружьё, накрыв его козлинкой, чтобы медленно отогревалось и не запотело, а потом не покрылось ржавчиной. Сел с кряхтением на чурку против печки, протянув к ней руки, то сжимая, то разжимая ладони.

Я подал ему кружку с горячим чаем. Подождал, пока он сделает несколько глотков и успокоит дыхание. Затем спросил:

– В кого стрелял?

– Да вот, пробубнился, паря. В первом разлоге выскочили из осинника на меня козы, штук пять, и давай обегать с обеих сторон. Развернулся махом и стрéлил вдогонку. Метров с двадцати до козы во время самого ускока, но пулю быдто кто отвёл. Срубил ветку в стороне. Опосля глянул на ствол – мушка сбита. Утресь, когда шёл по наледи, то поскользнулся и упал на спину, да так халыснулся, ажно свет из глаз выкатился. Ружьё-то и ударилось стволом о лёд. А я даже и не подумал проверить мушку-то, быдто кто мне разум помутил. Досадно, конечно, когда стреляешь мимо. Худшего позору

охотнику нету. Не охота, а одна маета.

– Да, дела, Вена! Охота есть охота. Никогда не предугадаешь, какой она будет... Что же теперь-то делать станем?.. Ведь ещё месяц – и лицензии пропадут: сезон закончится, а мы козьей печёнки так и не распробовали. Какие же мы после этого охотники?

– Верь не верь, а нас всё-таки кто-то сглазил, когда мы уходили на охоту. Не иначе как Петелиха, будь она неладна. Али Груня Крутолобая... Поди теперича, узнай. Вкруговую одни завистники. В глаза тебе говорят одно, а сами думают другое, ну а делают третье. Вот и пойми их. Не зря гласит пословица, что чужая душа – потёмки. В общем, Григорьич, придётся ехать к бурятке Дариме в Усть-Агу, пусть покушает, порчу снимет. Заодно и ружья окропит лаженной водой с алханайского ключа.

– Ну, не знаю, Вена. Я в эти предрассудки никогда не верил. Хотя и есть многое, необъяснимое и недоступное до нашего разумения... Иной раз поневоле поверишь в наличие потусторонних сил.

– Знай не знай, а Дарима пошаманит и подскажет: какой такой музган⁶ на нас порчу навёл. Наслышком доносилось, что она многим всё точно угадывала и снимала любую напасть.

– Тогда поезжай и попробуй избавиться от порчи. А мне

⁶ *Музган* – человек, чей взгляд, по суеверным представлениям, способен причинить вред.

нельзя: положение не позволяет. Начальство узнает – опозорит. Да вдобавок ещё из партии попрут, как собаку из церкви. А там и рапорт об отставке предложат подать «по собственному желанию», как принято в нашей системе.

Подкрепившись пельменями и просушив портянки, подались мы по ряжу до вершины пади Нижняя Глубокая. Спустились по ней на берег Шилки и пошли в Усть-Онон, старинное село, лежащее на стрелке, где сходятся реки Онон и Ингода.

В лицо дул сводящий скулы ветер хиуз, который местные жители в насмешку называли бомбеем. Кто и почему дал такое название – неведомо. Не иначе как в порядке юмора: наш лютый холод мечтали сменить на южный зной... Сохранилось это название ещё с царских времён.

Преодолевая хиуз и отворачивая от него лица то вправо, то влево, добрались до деревеньки и зашли к нашему товарищу по охоте и рыбалке Илье Беспрозванному.

За чаем с шаньгами поведали о своих неудачах. Илья выслушал, а потом и говорит (да так уверенно):

– Это Синявка, паря, вам такую напасть устроила. Не иначе как она. У неё, как и у отца-покойничка, накованный глаз. Тот, бывало, поглядит на человека али на скотину, да хошь на кого – сглазит. Позалонись⁷, когда ён ишшо жив-то был, сосед его чуваш ворота открыл. А ён посередь дороги стоял

⁷ *Позалонись* – два года назад.

и глаза-то во двор чувашу давай пялить. А через день у этого чуваша поросёнок возьми да и сдохни. Вот ведь чо музган натворил!.. Ежлив у меня поросилася чушка, то я его гонком гнал от самых ворот, не пускал во двор-то, чтоб от его изуроченья поросята не передохли. И дочь его така же. Не зря её прозвали Синявкой. А ишшо у ей была тётка, котора жила в Кироче, покуль там же и не померла. Люди про неё баяли, что она была ересница, то бишь колдовка. Так она чо вытворяла-то?.. В ночь на Ивана-травника оборачивалась собакой и бегала по суседским дворам, на коров порчу наводила. Да так, что те начинали с кровью доиться, коровы-то. Вот ведь каки были дела!..

Тут Вена постучал себе по лбу кулаком и говорит:

– И как же я ране-то не допёр, в чём дело?.. Ведь она каждый раз встречала нас в переулке то с тазом с золой, то с ведром с помоями и подолгу смотрела вслед! Да не столь на нас, сколь на ружья.

– Вот-вот, – поддержал Илья, – тут она вам и подстроила свои козни. Навела порчу, едри её в корень. Короче говоря, ребята, вы теперя нарисуйте её морду на берёзе и расстреляйте. И обязательно в глаза. Должно сработать. Не раз проверено на моей памяти.

Поблагодарив Илью за чай и за совет, мы подались на станцию. На выходе из переулка я оглянулся. На крыльце своего дома стояла Синявка и смотрела нам вслед. У меня

заныло под ложечкой, и впервые в сознательной жизни я поверил в некоторые предрассудки...

В следующий раз мы пошли на охоту, когда стоял февраль-бокорея.

По утрам было 25-30 градусов мороза, а днём ослабевало до 20. Усть-Онон обошли по Ингоде, чтобы не попасть на глаза Синявке. По тропе в пади Чортовая поднялись на ряж и по нему быстро дошли до Третьего лога, где стояло наше зимовье.

Растопили печь, заготовили на ночь дрова. На толстой берёзе древесным угольком нарисовали женское лицо с большими глазами. Выстрелили по разу с двадцати шагов. Я в левый глаз, Вена – в правый. Попали точно. Для пущей уверенности в лоб забили ржавый гвоздь. Поужинали и легли почивать.

Утром, наскоро поев пельменей и почаяв, положив в рюкзаки хлеба с салом, ещё до восхода солнца разошлись по угодьям. Я поднялся на Толстый мыс и в бинокль увидел в вершине Зыковой пади группу коз. Заметил ориентир: хорошо приметное и одиноко стоящее на ряже дерево со сломанной вершиной, против которого эта группа паслась.

Спустился в сивер и по нему дошел до того самого места. Остановился и успокоил дыхание. Поставил прицел на постоянный. Затвор – на боевом взводе. Прошептал: «Господи, благослови!»

Выполз на ряж. Опаньки!.. Вот они, желанные, как на ла-

дони. Совсем рядом. Пожалуй, сто метров, не более. И стоят все козы задом ко мне. Прислонив к сосне ствол, выбираю самую крупную.

Время будто остановилось. Мушка застыла посреди прорези прицела. Палец на спусковом крючке сводит от мороза. Глаз начинает слезиться. «Ну давайте же, родные, поворачивайтесь!» Вдохнул на полную грудь и продолжительно выдохнул. Не дышу. *Моя* коза медленно поворачивается ко мне. Мушка с прорезью ложатся на среднюю линию туши и скользят по лопатке, к её заднему краю, в область сердца – самое убойное место.

Стоп!.. Коза неожиданно застывает, подняв голову, развернув и наклонив вперёд уши. Что-то её насторожило... Медлить нельзя. В вершине пади куркнул ворон, и я мгновенно нажал на спуск, ощутив лёгкий толчок приклада в плечо. Выстрела не слышал, а только увидел, как за косулей на снег брызнул снап крови, и мне в уши ударило эхо со щелчком переломанных костей.

Козы унеслись как на крыльях, и лишь моя распласталась на снегу, вытянув шею. Встаю и иду к своему трофею. Крупная старая яловая косуля лежит, показывая мне прикушенный язык.

– Слава тебе, Господи! Ещё не последняя! – прошептал я по старинному сибирскому охотничьему обычаю и перекрестился.

После скрадывания и удачного выстрела сознание раздва-

ивается. Чувствуется радость от результата и немного грусти от того, что всё окончено. И в это время там, куда ушёл Вена, голкнул со щелчком выстрел. Щелчок этот означал что пуля нашла цель.

С приподнятым настроением я выпотрошил у своей добычи брюшину и горячие кишки (согрев тем самым застывшие пальцы), разрезал кожу и подъязычье на нижней челюсти, просунул ремешок, затянул петлёй, и по снегу, словно санки, приволок козу к зимовью. Затопил печь и сварил с картошкой свежие козы почки.

Вскоре подошёл Вена и сказал, что завалил гурана в вершине Сеннушки. Принёс в рюкзаке печёнку, а тушу присыпал снегом в чаше. Подберём, говорит, на обратном пути.

Так и поступили. По натоптанной в снегу тропе волокли свои трофеи, как санки. Покидали тайгу с благодарностью, что она на этот раз была благосклонна к своим гостям. Да, в тайге мы именно лишь гости, а не хозяева.

Спускаясь с хребта по Нижней Глубокой, на бегу подстрелили еще одну козу. Спрятали её для Ильи на устье в зарослях ольхи, присыпав снегом. Печёнку из туши вынули и положили в рюкзак для него же.

И уже по́темну притащились с двумя козами в Усть-Онон прямо во двор нашего товарища. Оставили их в сенях, закрыв на засов наружную дверь, и зашли в избу.

Меня не покидало чувство, будто в минувший день кто-то вёл нас и помогал...

Илья встретил нас в приподнятом настроении. Его старый кот, обнюхав наши ноги ещё у порога, мяукнул по-особому, давая знать хозяину, что от гостей исходит запах крови. У того сразу же поднялось настроение. Васька никогда не ошибался в своих выводах относительно добычи. Это был эксперт экстра-класса!

– Ну что, навроде завалили?.. – бодро спросил Илья.

– Завалили, да не одну, – ответил Вена. – Вот тебе ещё и печёнку принесли от «твоей» козы. Порадуй душу!

– О-о! Печёнка – это хорошо! Знать, постигла вас удача. А я что вам баял?! Синявкину морду расстреляли?..

– Всё путём, Дмитрич. Ещё и гвоздь в лоб забили.

– Ну и слава Богу. Теперя её порчам наступит полный трындец. Разболакайтесь. Милости прошу к столу! Небось, забыгали, покуль притащились с такой добычей. Да ишшо, поди, бомбей проходу не давал. Счас, паря, брусничной настойки примем по рюмочке с устатку-то. Опосля и чайком с богородской травой побалуемся. Моя хозяйюшка Манюня-ка-туня ноне витушечек напекла, как на Маланьину свадьбу. Ешь не хочу! Сколь за столом, столь и в раю!

На горячей печи, пуская пар из носика, насвистывал большой медный тульский чайник довоенных лет. Мы помыли руки, вытерлись краями холщового полотенца с вышитыми петухами и уселись за стол. Пропустили с кряканьем по маленькой рюмочке брусничной настойки, провозгласив тост

за удачную охоту. Закусили копчёным салом, квашеной капустой и солёными груздочками. Уплели по миске пельменей.

Затем, наговорившись вдоволь, приступили к чаепитию – особому ритуалу забайкальцев с характерным *пошвыркиванием* (по-местному, «зёрбаньем»). Маня поставила на стол глиняный запарник, из которого шёл пар с ароматом цветочно-травяного чая. Хозяин всем налил по первой чашке.

Я осторожно отхлебнул и говорю:

– Горячо-то ка-а-ак! Голимый кипяток...

– А ветер-то под носом, дуй! Можга, тебе, любезный, молочком забелить? Забел-то эвон в той кружке налит.

– Забелите, тётя Маня. Белёный мне с детства нравится. Да и пьётся он, как бы это сказать... помягче да послаще.

– Во-во! Попейте чайку – развеите тоску. Слышите, чайник-то как поёт, прям услада для души. Чай не пил – какая сила?.. А попил – совсем ослаб, – приговаривала Маня, подливая в мою кружку молоко.

Затем повернулась к Вениамину:

– А ты, милоч, пошто чаёк-то без забелу пьёшь? Ить нам, гуранам, чай с молоком – что сера с табаком. Чай попьём, опосля самосаду покурим и заодно серу пожуём, покуль зубы ишшо держатся.

Вена, громко и продолжительно пошвыркивая, в знак согласия кивал головой и время от времени покрякивал. Горячий чай так и угревал в животах и расслаблял всё тело. Ча-

евали – аж до третьего пота. Тетя Маня едва успевала подталкивать нам своюстряпню, приговаривая:

– Угошшайтесь витушечками-то, не смушшайтесь. Ить не только для себя с Илюшей, а ишшо и для вас напекла. Оне толчёным семенем конопли намазаны. Ароматны да румяны. Сами во рту тают, сдобненьки да мяконьки – ум отъешь. А вы, поди, намаялись, коды по лесу-то хлестались, да намёрзлись, покуль доселя дотопали. Зима-то ноне стоит злюшшая-презлюшшая. Давнися тута такой не было. Эвон коковень-то⁸ с самого Рождества лютует. Да и бомбей такой хизит, что навой раз с ног едва не сбиват. Чем ближе к весне, тем злее. Скорей бы уж Масленка подходила, да зима отпустила. Жду не дождуся. Да и скотина уже намаялась. Боюся, как бы не замоздела⁹. А то ведь и завсе околеть могёт. Охо-хо! Не приведи Господь!

После этих слов Маня поднялась из-за стола, прошла в передний угол, перекрестилась перед почерневшей иконой Георгия Победоносца, невесть как сбереженной в лихие годы, на ходу уголком головного платка отёрла губы и присела на кровать, опустив на колени натруженные руки с искривлёнными пальцами. Кот мигом запрыгнул туда же, усевшись рядом с хозяйкой.

Почаёвничав и поблагодарив Маню за угощение, объяснив Илье, где для него спрятана козья туша, мы взяли пред-

⁸ *Кокhovenь* – лютая стужа с густым туманом, начиналась с Рождества.

⁹ *Замоздеть* – зачахнуть.

ложенные им сани, сложили в них трофеи и по темноте двинулись к Вене домой.

На станцию, сплошь забитую составами, пришли ближе к полуночи. А когда пролезли под вагонами на последнем пути, то вывернулись со своими козами прямо на Петелиху. Откуда её несло в тот неурочный час, лишь Богу ведомо.

Ошарашенная увиденным, она только и успела произнести: «Здравствуйте!» – и застыла, как вкопанная. И ещё долго смотрела нам вслед. Вена же высказал опасение, что нас опять сглазят.

А Синявкины чары после того исчезли. И мы уже редко приходили из тайги с пустыми руками. Оказалось, что Петелиха, да и Груня тут ни при чём. Да и в Синявкином колдовстве я сомневаюсь. Просто мы стали вести себя более уверенно и спокойно. Соответственно, правильно оценивать обстановку и не допускать ошибок. Это и стало залогом успеха.

Минуло полвека с того времени. Появилось и взросло ещё два поколения: внуки и правнуки. Давно уже улеглись на погостах Илья и Вена с жёнами. А я по милости Всевышнего ещё живу, заканчивая девятый десяток, сохраняя разум, телесное здоровье и бодрость духа. Не для того ли, чтобы рассказать потомкам о давно минувших временах?..

А той прежней и чудесной забайкальской кормилицы тайги уже нет. Исчезла под натиском дикой рыночной экономики за короткий период в четверть века. Её всю в виде сырой

древесины алчные бизнесмены и всякого рода проходимцы вывезли в Китай – с молчаливого согласия (а где и при прямом содействии) чиновников.

Ну а что не смогли и не успели вывезти, то огненной метлой смели рукотворные пожары, устроенные с целью сокрытия хищнической вырубki и списанные в официальных отчётах на молнии, засухи, короткие замыкания на линиях электропередачи и палы, устраиваемые теми же раздолбями из числа местных землепользователей.

Получилось по Марксу: «Цивилизация, если она развивается стихийно, оставляет после себя пустыню...»

Убежали за Становой хребет в Якутию звери, улетели птицы, исчезли многие виды насекомых. Где совсем недавно звучали птичьи голоса, стрекотали кузнечики, журчали ручьи и шелестели листья, воцарилась мертвенная тишина.

Зачастили пыльно-пепельные бури, сквозь которые едва проступало красное солнце. Многочисленные горные ручьи ушли вглубь и журчат теперь где-то под каменными осыпями. Лишённые защитной лесной кроны, высыхают хранилища влаги – мари, мочажины с поточинами, болота и озёра. Ливни и бури уносят с горных склонов остатки подстилки и почвенный слой, обнажая скальные породы, сметая в долины камни и песок, превращая некогда цветущий край в пустыню. Теперь после обильных дождей воде негде накапливаться, и она вся мгновенно скатывается в реки, порождая наводнения и смывая в пучину имущество тех, кто нажил

его на вывозе леса за границу.

И поделом!.. Зло обернулось обильным урожаем к тем, кто его посеял. С каждым годом реки будут мелеть всё больше, пока не исчезнут совсем. А миллиарды тонн снеговой и дождевой воды, не задерживаясь в исчезнувшем накопительном слое, когда-то оберегаемом тайгой, будут скатываться в песчаные и каменные русла и мчаться к Амуру, Лене и Байкалу, сметая всё на своём пути.

Помню, как осенью в год Победы я, двенадцатилетний отрок, охотясь на рябчиков в окрестностях Усть-Кары в бассейне реки Шилки, вконец уставший и голодный, наткнулся на поляне на широченный пенёк даурской лиственницы.

Прилёг на него, соскрёб мох и из любознательности стал считать годовые кольца на солнечной стороне от края к центру. Насчитал триста семьдесят и далее не мог разобрать из-за плотности и почернения древесины. Дерево росло и простояло почти четыреста лет, пока его не спилили люди. Столько же времени (плюс триллионные денежные вложения) потребуется на лесопосадки и естественное восстановление тайги. Но для этого нужна будет другая, не рыночная экономика и люди с другими мозгами. Желательно, с еврейскими, как у Ландау. Или с немецкими, как у Бисмарка... Но не с такими, как у Чубайса, будь он не к ночи помянут.

Но только появятся ли они?.. Лично я не уверен. В любом случае, полноценную тайгу уже в былом величии восстано-

вить невозможно.

А за Аргунью, в Китае, тайга осталась нетронутой, и стоит такая же, какой была сто и тысячу лет назад. Там ещё со времён Конфуция за самовольную рубку леса виновным отрубали правую руку И генетический страх живёт в людях и поныне. Да и традиции дают о себе знать. Об этом замечаю мимоходом, для примера рачительного использования отечественных природных ресурсов и для необходимости принятия строгих законов о сбережении природы. А с нею – и всего нашего удивительно терпеливого и стойкого народа.

На этой тревожной ноте заканчиваю свой рассказ.

Будьте здоровы и благоразумны!

Январь 2020 г.

Поезд № 738 «Москва – Воронеж»

Дёмич

Жил в Усть-Ороне уже вполне пожилой охотник Волокитин по прозвищу Дёмич. Пришлось мне с ним однажды во время белковья заночевать в таёжном зимовье. За долгий вечер переговорили о многом. Обратив внимание на мои лёгкие сошки из осины, он занялся их критикой:

– Чо это, паря, у тебя сажанки-то¹⁰ такие хлипки?.. Могут сломаться и подвести при стрельбе. Да и при ходьбе в косогоре на них опираться тож надёжи-то мало.

– Зато лёгкие, и для моей мелкашки опора в самый раз. Пока не подводили. Это для карабина надо крепкие, из лиственки. Так у меня есть такие, храню их пока в кладовой до охоты на зверя. Час придёт – воспользуюсь.

– Из лиственки, паря, самые сподручные. Мою судьбу они на фронте круто развернули. Если бы тогда оставили в пехоте, то так и до сих пор гнил бы в болотах под Тверью.

– А что, на фронте и сажанки были на вооружении?.. Впервые слышу.

– Было... не было... Многие из сибиряков-охотников их делали по возможности. И это не запрещалось. Хоть и не по уставу было, но зато на пользу.

¹⁰ *Сажанки (сошки)* – охотничье приспособление для удобства стрельбы; используются также вместо посоха при ходьбе.

...Значит, дело было так. Прибыл я с пополнением на Калининский фронт весной сорок второго в самые болота с перелесками. Перед нами в шестистах метрах лесистый островок, и на нём – немецкая пулемётная точка. И к этому островку наискосок из леса, что на той стороне болота, вела настиленная гать. А по ней по утрам немцы из леса свободно переходили на островок, и весь световой день пуляли по нам, не давая поднять головы. А на ночь уже, по потёмкам, уходили назад, в блиндажи. А когда нас поднимали в атаку, то они с пулемёта секли, как капусту. Народу там положили немерено. Много и моих земляков загинуло... Загинуть, конечно, не штука, да что толку в том, ежели пользы от этого нет никому?.. Разве что врагу. А трупы так и лежали посередине болота. Над ними весь день кружило вороньё. А как оттуль подует ветер, то и дышать невозможно – одна вонь!

Воевали наши командиры, по моим меркам, бестолково, что тут греха таить. Гнали в лобовую атаку, когда можно было и обойти. Или сперва перепахать снарядами, а опосля и пехоту посылать. В общем, подумал я, что еще день-два таких атак – и мне придёт карачун. А помирать понапрасну (да ишшо из-за бестолковости командиров) ой как не хочется, хотя и не страшно по молодости-то.

Уже взатемень отлучился я из окопа *до ветру* в лесочек. Срезал две молоденьких листвяночки и сделал сажанки. Гвоздя не было, так я связал их крепким шпагатом. Спрашиваю лейтенантика-комвзвода: дескать, сколь будет метров

до гати?.. Он мне и отвечает, что ровно шестьсот. Ну, я и поставил прицел на шестёрку еще с вечера. Тот и спрашивает: «Что вы задумали, боец Волокитин?» А я отвечаю: мол, начну охотиться на пулемётчиков, если разрешите стрелять без команды. Отважу их ходить в полный рост. Хватит их бояться. Пуцай теперя они нас боятся на нашенской земле. А для меткой стрельбы винтовке нужна хорошая опора. Вот я и сделал сошки. А по нашему охотничьему понятию – сажанки. Так мы их называли у себя в Сибири во время охоты в тайге. Прошу разрешения иметь их при себе. В бою шибко пригодятся...

Он куды-то давай звонить. Пришел комбат, осмотрел мои сажанки, винтовку, а заодно расспросил меня: дескать, кто такой и откуда, много ли охотился в тайге. Выслушал и говорит взводному, чтоб готовился к очередной атаке. А мне пожелал удачи. И напоследок спрашивает: «Правда ли, что у вас там, в Сибири, медведи по улицам ходят?» Отвечаю, что бывало и такое, когда в тайге ягода не уродилась. Мол, ша-стают по деревне и собак из конуры таскают вместе с цепью. Телят и свиной уносят в охапке. Он только головой покачал и ушел на командный пункт. Видать, не поверил.

К рассвету вся рота изготовилась к атаке. Я встал за дерево во весь рост и пристроил винтовку на сажанки. Держу гать под прицелом. Гляжу: два немца вышли из кустов на гать, как по расписанию, и идут во весь рост. Гуськом, один за другим. Ну, навроде как у нас козы на увале. У каждого в

руках по две коробки с пулемётными лентами. Я ещё и подумал: «А сколь же наших смертей спрятано в этих коробках?.. Может, и моя там поджидат!»

И такая злость меня взяла! Выцелил я переднего, вынес упреждение и торнул. Тут он и уткнулся. А второй сразу пригнулся и побежал вперёд. А коробки-то ему бежать мешают, он с имя и раскачивается. Я беру упреждение, стреляю – мимо. Промазал!.. Ах ты, ёхары бабай! Передёрнул затвор, а сам себе говорю: «Спокойно, паря, спокойно. Этот кашерик – мой. Никуда не денется...»

Торнул. Упал, гад, ажно ноги задрал кверху!.. Лежит и дрыгается. Пытается подняться. Нет, вражина! Теперя ты никуда не денешься. Спокойно выцеливаю, хлесь – готов! Четыре патрона – два фрица. Неплохой расклад. Смотрю: на гать выбегают ещё двое с коробками. И согнулись в три погибели. Я ажно повеселел, а сам себе думаю: «Ну, что, колбасники, в гроб вашу мать, заставил я вас согнумши бегать! Здесья вам не хухры-мухры! Устрою теперя для вас тирольские танцы-лянцы с приплясом!»

Сунул в магазинную коробку новую обойму и тремя выстрелами прибрал обоих. Тут наша рота и пошла по болоту. Немцы из кустов стреляют из винтовок да автоматов. А пулемёта у них, видать больше и не было. Давай палить с миномётов. А с наших позиций на них тоже полетели мины. А я всё стою, готовый к стрельбе, и наблюдаю за гатью. Смотрю: выползают двое. Но уже без коробок. Но этих-то уже до-

ле того прибрать. И без всякого там упреждения припечатал обоих.

В итоге заняли мы этот островок. Вскоре прибыл комполка. Меня ему представили. Он обнял меня, приказал комбату представить к награждению орденом Красной Звезды и долго разглядывал мои сажанки. И приказал: делать такие же бойцам всего полка. Меня же после этого перевели в снайперы, выдали винтовку с оптикой и снайперскую книжку. И орден опосля вручили. А погибших наших, как уже прокисших, так и свежих, похоронила спецкоманда. Да и «моих» фрицев там же прикопали.

А летом немцы в самую жару, после мощного обстрела и бомбёжки, окружили и потеснили нас, загнав нашу роту в очередное болото. Мы брели в камышах по пояс в воде, а они шли по берегу с овчарками да с засученными рукавами и строчили с автоматов по камышам. А сами хохочут, сволочи!.. И время от времени играют на губных гармошках про свою Розу-мунду Высокие и белобрысые, как на подбор. И почти все – видать, для храбрости, – в лом пьяные. По всем видам, какой-то отряд специального назначения. В плен никого, паря, не брали. Даже тех, кто выходил к ним с белой тряпкой и без оружия, подняв руки. Строчили, гады, напропалую – и всех делов.

Я смекнул, что дела наши аховые, гибель неизбежна, и решил использовать единственный шанс на спасение. Вспомнил баловство в детстве, как мы играли в утопленников и

пугали на озере девчат. Срезал камышовую дудку, сунул в рот, зажал одной рукой нос, а другой держу винтовку за ремень и присел на дно. В башке аж звенело, когда пули ударили по воде. Так и сидел, пока хватало сил и терпения. Время для меня остановилось, и казалось, что прошла вечность. Потом, когда лёгкие стало раздирать болью, и было совсем неумоготу, высунул голову и прислушался.

Стрельба удалилась и вскоре затихла совсем. В голове – шум и звон. Посидел до темноты и тажно¹¹ вылез на сушу. Кожа на руках отвисла от вымокания. Жрать сильно хотелось. Пошёл скрадком по перелеску, обходя открытые места. Встретил ещё несколько наших, спасшихся чудом. Из ста с лишним бойцов только восемь и выдюжили таким вот родом.

На другой день вышли к своим. Подержали меня неделю в подвале люди из Смерша и направили в мой же полк. Спасло то, что я сохранил орден и винтовку. Правда, документы размокли, но видно было, что они мои. Дознаватель ещё удивился и сказал, мол, сохранив оружие и документы с орденом, я спас свою жизнь. А у других не было ни оружия, ни документов. Так их куды-то ночью увели. Не иначе как кокнули по-тихому... А может, в штрафбат отправили. Поди теперича, узнай.

– Вот тебе, паря, и вся история про мои сажанки, – завер-

¹¹ *Тажно* – тогда.

шил рассказ Дёмич. – Да и про жизнь нашу, которая на войне ничего не стоила. Сердце на ней зачерствело, да так, что не было в ём жалости не только к врагу, но и к себе. В каждый выстрел я вкладывал его кусочек. А человек без сердца намного страшней, чем с тем же сердцем хищный зверь. А война эта таперича до гробу жизни так и будет сидеть в голове. И ничем её оттудова не выбить: ни временем, ни вином, сколь ты его ни пей. Будь она неладна, да и не к ночи помянута!

Февраль 2020 г., Воронеж

Чай с сюрпризом, крыло орла и дедушка Андрей

Ноябрь 1967 года. Белковье в самом разгаре. В тот год из Китая валом шла проходная белка, продвигаясь на Север Забайкалья к Становому хребту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.